

Д.В.Ермолович

Организационные и субстанциональные проблемы рефлексии

В статье делается попытка синтезировать существующие исследовательские ориентации и на более общем, чем сугубо психологическом, уровне рассмотреть организационно-познавательные и субстанциональные особенности рефлексии.

Рефлексия как форма познания решает задачу определения места субъекта познания в системе “наличного бытия”, определяет ориентацию существующего миропорядка для человека. Рефлексная проблематика в основном рассматривается с двух сторон: как психологизация, ведущая к пониманию, например, научной рефлексии как внутринаучной и как становление теории рефлексии (одного из направлений в теориях познания и отражения) в рамках науки о науке — методологии.

В свою очередь, психологические исследования механизмов рефлексии продолжают вестись по трем направлениям [1]. В ориентирующихся на методологию информационного подхода в психологии механизм рефлексии обосновывается принципом “обратной связи”; ориентирующихся на методологию логико-гносеологического и социологического знания — описывается в виде модели “рефлексивного выхода” субъекта за пределы субъективной реальности посредством деятельности или “установления отношения” между различными структурными образованиями такой деятельности; ориентирующихся на методологию личностно-смыслового и творческого анализа механизм рефлексии понимается как переосмысление и перестройка субъектом содержаний своего сознания, своей деятельности, общения, т.е. своего поведения как целостного отношения к окружающему миру.

Эволюция выделения человеком себя из окружающего мира — это не только эволюция форм деятельности от утилитарно-практической до теоретико-познавательной, но и эволюция форм сознания от обыденного до научного. Видимые границы обыденного и те-

оретического (научного) сознания в реальной жизни находятся в состоянии подвижного взаимодействия, схватывания внешних и внутренних, являющихся и сущностных связей. Существуя в различных формах (обыденном и научном), реальное сознание человека представляет собой сложный конгломерат уже систематизированного и все еще неорганизованного знания. При этом объект познания есть не просто противостоящий субъекту внешний мир; сам по себе объективный мир не актуальный, а только возможный объект для познания. Актуальный объект познания предполагает субъекта, направляющего на него свое действие, вовлекающего в сферу своих отношений, преобразующего себя и его. Преобразуя предметы природы практически, человек делает их объектом своего познания, придает ему прикладную ценность, познает самого себя.

Как таковые познавательная и рефлексивная деятельности субъекта по отношению к объекту познания являются работой с содержанием знания. Такая функция знания — быть условием и целью познавательной деятельности — определяет его значение, важное не только в реализации процесса познания, но и в осуществлении практической жизнедеятельности. Таким образом, актуализация субъект-объектных отношений возможна благодаря *сознанию*. Сознание и есть отношение к миру со знанием его объективных закономерностей. Так, внутринаучная рефлексия как наиболее изучаемая форма рефлексии имеет своим предметом непосредственно процесс познания и наглядно представляется в виде связки трех понятий: “объект—знание—субъект”. Их трактовка содержит гносеологический смысл и есть своеобразная интерпретация мировоззрен-

чески ориентированной понятийной связки “МИР — КУЛЬТУРА — ЧЕЛОВЕК”.

В современной методологической литературе [2] выделяются последовательно сменяющие друг друга в истории науки три типа внутринаучной рефлексии — онтологизм, гносеологизм, методологизм, наглядно представляющиеся следующими бинарными связками: для онтологизма — “знание—объект”; для гносеологизма — “субъект—объект”; для современного методологизма — “субъект—знание”. И каждый такой тип рефлексии, если рассматривается отдельно от других, то только как ведущий в рамках конкретного исторического периода.

Связь внутринаучной рефлексии (и, разумеется, самой науки как определенного социокультурного опыта человечества) с познавательными и организационными возможностями субъекта познания показывает внутренне зависимую иерархию динамических процессов познания. Так, в процессе накопления опыта, достаточного для рефлексирования наличного бытия, субъект — носитель индивидуального опыта — как бы растворяется в знании, что позволяет ему войти в адекватное (не случайное) взаимодействие с объектом познания, и потому в недрах еще донаучной рефлексии формируется надындивидуальный организационно-познавательный* подход — *субстратный*. Именно поэтому связка проявления рефлексии, соответствующая субстратному подходу, имеет следующий вид: “ЗНАНИЕ—объект”. Выделение в данной связке объекта познания как самостоятельного звена познавательного процесса собственно и ведет к научному рефлексированию наличного бытия.

Рефлексивная установка онтологизма (аналог предпочтения предметно-действенной формы мышления) — первая ступень организованного рефлексирования действительности. Нехватка объективного знания на этом уровне требует дополнительной инициативы субъекта, выражающейся в поиске нового (более независимого от объекта) познавательного-организационного подхода — *структурного* — и соответствует связке вида: “СУБЪЕКТ—объект”. Здесь знание, становясь лишь средством познания, теряет свою “надсубъектную” позицию и “растворяется” в субъекте. Рефлексивная установка гносеологизма (аналог предпочтения наглядно-образной формы мышления) есть результат развития структурного познавательного подхода. Однако интен-

сивное и экстенсивное развитие наличного знания ведет к углубляющейся формализации последнего и ставит под сомнение получаемое новое знание. Выход ищется в новом познавательном подходе — *функциональном*, свободном от ограничений предыдущих подходов: привязанности к объекту и спекулятивности представлений субъекта. Понятийная связка проявления рефлексии выходит теперь за рамки бинарности и приобретает вид: “СУБЪЕКТ—ЗНАНИЕ—объект”. Формируется новая рефлексивная установка сознания (аналогом предпочтения которой является словесно-логическая форма мышления), типом внутринаучной рефлексии становится методологизм.

Стремление к дальнейшей объективизации отражения всеусложняющейся действительности, познание процессов функционирования и развития объектов любой степени сложности требуют иного организационно-познавательного подхода. Масштабно формируется (осознается, внедряется) новый *информационный* подход к познанию. Особенностью проявления рефлексии становится (еще не стала) однопорядковая значимость всех звеньев понятийной связки: “СУБЪЕКТ—ЗНАНИЕ—ОБЪЕКТ” как реальное повышение статуса объекта познания. Все это неизбежно ведет к формированию новой рефлексивной установки сознания и нового типа внутринаучной рефлексии. Последние в своем высшем проявлении будут иметь другой организационно-познавательный подход и иную особенность рефлексивных проявлений.

Эволюция рефлексии и современное о ней представление показывают несовершенство бинарных связок (типа “субъект—объект”, “знание—объект” и др.) как в индивидуальном сознании, так и в науке вообще. Бинарный динамизм рефлексии кризисный, причем в результате смены одного типа рефлексии другим происходит фактически полное отрицание найденных предшествующей наукой принципов познания. И только житейский опыт, закрепляемый следующим поколением исследователей в виде здравого смысла, обеспечивает реальную преемственность сменяющихся типов внутринаучной рефлексии.

Естественно, что в современных условиях такая преемственность в науке становится неэффективной. Возникает потребность в системообразующих, интеграционных подходах к разрешению проблем современной науки. Методологичес-

* Здесь организационно-познавательная сторона рефлексии рассматривается как только одно из средств познания и осознания действительности, связанное с готовностью к познавательной деятельности, особенностями восприятия объекта, оценкой и самооценкой субъекта познания; своего рода зона возможных действий индивидуального сознания, формирующаяся еще до собственно конкретной деятельности.

кая направленность последней и подсказывает выход из создавшегося положения. Более того, бинарная (в узком смысле) связка методологизма — последняя из возможных бинарных связей в системе понятий “субъект—знание—объект”. А потому в результате развития науки, познания вообще, следует ожидать как новую внутринаучную рефлексию, так и иную ее организацию, основанную на трехполюсном отношении взаимодействующих сторон процесса познания, где обнаруживается единство онтологического, гносеологического и методологического подходов.

Данная, уже двухмерная связка не только “выравнивает” между собой рассматриваемые стороны познавательного процесса (расположение в основании схемы “субъекта” и “объекта” условно), но и показывает раздвоенный характер связи между любыми двумя его сторонами. Что касается связи субъекта и объекта в процессе познания, то она раздваивается на чисто гносеологический — “субъект—объект” и методологический в широком смысле (когда целью познания является не само знание, а знание окружающей действительности) — “субъект—знание—объект” компоненты.

С другой стороны, одномерный характер полярных взаимоотношений внешнего рефлексирования (“Я рефлексирую Мир” и “Я рефлексирую Человека”) недостаточен для формирования полноценного рефлексирования самого себя. А осознание раздвоенности, поиск объединения рефлексии, снятие неопределенности в процессе рефлексирования, сотворение индивидуального смысла — задачи саморефлексии. Причем каждое рефлексивное звено двухмерной связки будет иметь проекцию на соответствующую бинарную связку, тем самым выявляя параметры саморефлексии. *Онтологический* параметр саморефлексии есть проекция “субъекта” познания на связку “знание—объект” и проявляется в опредмечивании, объективизации имеющегося у субъекта знания. *Методологический* параметр саморефлексии (проекция “объекта” на связку “субъект—знание”) проявляется в распределении, субъективизации объекта познания. *Гносеологический* параметр саморефлексии (проекция “знания” на связку “субъект—объект”) проявляется в обеспечении процесса познания, когда знание есть возможность его (знания) применения, а не фиксация фактов.

Саморефлексивно организованная познавательная (в широком понимании — от здравого смысла через индивидуальный и социальный опыт к “высокому” познанию) деятельность и есть творение.

Саморефлексивная устанавливаемость, организованность, достаточность субъекта познания и деятельности (то, что заставляет человека в состоянии реального выбора находиться не в среде средств деятельности, а в среде ее целей) являются фокусом проекции рефлексии в саморефлексию — тем, чем связываются параметры последней. Поэтому при субъект-субъектных (и внутрисубъектных) отношениях наряду с особой проблемой, возникающей при переводе объективного и субъективного (понимания, знания, опыта и т.п.) на субъекта, требуется различение как рефлексивных процессов самоорганизации, так и их динамики у взаимодействующих субъектов. Подобная процедура проецирования рефлексии вообще и саморегулирования субъекта познания в частности конкретно выглядят как выход субъекта из среды задачи в среду проблемы (соответственно технологическая и творческая достаточность деятельности человека).

* * *

Действительным отличием сущности от непосредственности бытия выступает рефлексия, ибо в бытии все непосредственно, потенциально и независимо от сущности может являться нам в процессе познания, в сущности же напротив все относительно. Поэтому если в сфере бытия формой движения понятий является переход, то в сфере сущности такой формой выступает рефлексия, ибо в сущности нет перехода, а есть только отношение (Г.Гегель). Поэтому поиск субстанциональных основ саморефлексии и субъективного, связь сущности с рефлексией, относительности познания с его непосредственностью, мыследеятельности с высокоорганизованной материей (человеческим мозгом) дает возможность увидеть гносеологическую проекцию эволюции материи, становление познающего сознания человека.

Остановимся на рассмотрении специфики организации человеческой мозговой деятельности. Особой, даже уникальной характеристикой человеческого мозга [3] является межполушарная функциональная асимметрия, обостряющаяся во время умственной работы человека. В этом смысле возможно говорить о “левом” и “правом” мозге человека [4]. И потому особой задачей при изучении психического и сознания (в рамках науки о мозге)

становится задача функционального триединства сенсорной информации, поведенческих реакций и важнейшего связующего звена между ними — интрацеребральных процессов.

Нейрофизиологическая локализация интрацеребральных процессов между передними отделами левого и правого полушарий мозга представляет тот физиологический субстрат, благодаря функционированию которого возникает “диалог голосов — фантазирующего и критического”, осуществляется осознанный логический отбор гипотез для их последующей проверки практикой [5].

Итак, возможность интрасубъектного взаимодействия (рефлексиования) может быть предположительно объяснена особым отношением функционально различающихся (то ли по вербально/невербальным способностям, то ли по принципам обработки информации) полушарий мозга. Более того, движение информационных потоков в мозге (в состоянии нормального уровня бодрствования, оптимального уровня активации мозга) имеет ориентировочно направленный характер от правого полушария в левое. Другими словами, чем глубже функциональная асимметрия полушарий мозга, обеспечивающая возможность “внутреннего диалога”, тем успешнее деятельность человека. Причем левое полушарие является субстратом сознания, носителем “основополагающего” мышления, правое — обеспечивает образное, “дополнительное” мышление, связь сознания и подсознания [6, с. 118—124]. Так, различие полушарий проводится и на более высоком (глубоком) уровне: связываются бессознательные психические процессы с деятельностью правого полушария или по крайней мере говорится, что правое полушарие является “источником” бессознательной мотивации.

Имеет смысл выдвинуть гипотезу о том, что рефлексия есть своего рода буфер между бессознательным и сознанием, и это не самоотчет субъекта самому себе как таковой, а индивидуализированная форма сознания, то, что формирует “Я” как “Я”, и то, что подготавливает его к “Мы” (к поступку, общению). Рефлексиование есть опыт, формирование диалогичности, процесс перевода монолога в диалог, который протекает в идеальных условиях, когда субъект существует *как бы* сам по себе (идеально), вне объекта, когда идеальное проявляет себя в реальном движении мысли.

Таким образом, сущностная способность мышления и некоторым социально мотивированным образом протекающие индивидуальные познавательные процессы как внутрисубъект-

ное и психическое взаимодействие функционально различающихся полушарий (левого и правого) человеческого мозга выступают субстанциональной основой процесса рефлексии.

*
* * *

Широкое приложение такого рода представлений об организационных и субстанциональных основах рефлексии с необходимостью проявит себя в решении практических проблем индивидуального развития и образования. Дать оценку динамичности рефлексивных процессов, видеть за индивидуальным сознанием способность к производству субъективного (в форме идеального, существующего только как образ деятельности общественного человека), сознавать, что человек выступает субъектом деятельности — значит понимать, что деятельность очеловечивает, окультуривает, идеализирует человека в образе общественного существа. Этапность такой процедуры становления человека характеризуется все большей включенностью индивидуальной творческой активности как в процесс человеческих взаимоотношений, так и в процесс отражения действительности вообще, а именно: осознание факта отношения как такового; осознание себя сначала объектом, а затем и субъектом отношений; осознание себя человеком (в узком смысле); осознание целей и средств индивидуального действия; самоопределение и самоактуализация; диалектическое снятие неопределенности взаимодействия, т.е. осознание смысла индивидуального существования.

Именно поэтому следует специально остановиться на проблемности творческой достаточности субъекта познания, в определенной мере детерминированной языком как средством познания. Рассматривая язык как средство отображения, познания действительности в человеческом сообществе, можно говорить, что язык, будучи единством общения и обобщения (Л.С. Выготский), а потому в реальной деятельности человека становящийся некой системой значений, обозначивает среду человеческого существования. Последняя, также посредством языка, культурно осваивается (осмысливается) человеком для человека.

Проблемность эта усиливается, когда возникает ситуация множественности языков (различных уровней организации и сложности): языки естественные, профессиональные, социально-культурные и т. д. Более того, язык как одно из средств объективизации мысли имеет индивидуально неповторимое происхождение. Поэтому выход из возникающего ре-

лятивизма, ведущего к абсурдности, непониманию, следует искать в метаязыке, где “спрятан” смысл языка.

Метаязык, рассматриваемый здесь как средство и результат фиксации опыта освоенной действительности, проекция последней на человеческое сознание (не индивидуальное, а родовое), проявляет себя в виде интериоризации фактов и экстериоризации смыслов и должен, в конце концов, обеспечивать истинностное содержание осознаваемой действительности. Благодаря такому пониманию метаязыка можно расширить аристотелевское представление о соотношении содержания и формы,

где “содержание” — рефлексия деятельности или сама деятельность; “форма” — социальный эквивалент деятельности, продукт этой деятельности (знак как превращенная форма); “форма форм” — закрепляемый в культуре

идеализированный продукт деятельности, элемент культуры; “метаязык” — средство субстанциализации (то, посредством чего образуется и сохраняется знание) сознания, смысловая основа рефлексии.

И в общем виде, по формальному и содержательному наполнению, конкретная образовательная и познавательная (творческая) деятельность проходит, как минимум, три фазы в своем развитии: в первой (примитивной) обеспечивается единство оригинала и образа посредством восхождения до метаязыка обыденного сознания (метаязыка здравого смысла, эмпирического, спонтанного духовного освоения практической действительности, теоретически еще не обобщенного отражения, элемента, компонента массового сознания); во второй (прагматической) обеспечивается адекватное оперирование “полученными” образами посредством восхождения до метаязыка конкретной науки (метаязыка алгоритмического, социально ориентированного опыта); в третьей (конечной) обеспечивается единство образа и действительности посредством восхождения до метаязыка культуры. Истинное познание, творческая деятельность и есть это восхождение.

1. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. — 1985. — № 3. — С. 31—40.
2. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. — М.: Наука, 1986. — 262 с.; Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. — М.: Наука, 1988. — 176 с.
3. Голицын Г.А., Сербиев М.В. Межполушарная асимметрия и проблема сознания // Методологические аспекты науки о мозге. — М.: Наука, 1983. — С. 231—239.
4. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. Асимметрия мозга. — М.: Мир, 1983. — 256 с.
5. Симонов П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. — 1992. — № 11. — С. 3—24.
6. Шумилин А.Т. Проблемы теории творчества. — М.: Высшая школа, 1989. — 143 с.